

Цветкова Дарья

11 класс, художественно-эстетическая гимназия № 190, Санкт-Петербург

Рецензия на спектакль «Фунт мяса» (БДТ им. Г. А. Товстоногова)

Авторская группа спектакля: Андрей Могучий, Александр Артемов, Настасья Хрущева, Сергей Илларионов. Текст Н. Хрущевой по пьесе У. Шекспира «Венецианский купец».

Ничто не предупреждает зрителя о начале действия. На сцене переодеваются актёры, снимая костюмы с вешалок, стоящих там же, а двое молодых людей, в совершенно простой, повседневной одежде, о чём-то спорят в микрофоны. Начав вслушиваться в их разговор, я понимаю, что действие началось, это и есть спектакль...

Мы находимся в казино «Глобус», шумном и вульгарном. Вызывающе одетые девушки в красных париках, как марионетки, синхронно исполняют резкие движения: задирают ноги, трясут грудью. Под музыку аля-кабаре тебя моментально затягивает в этот праздник безумия.

Шут Бальтазар выпрыгивает на сцену, не пропуская мимо красоток-марионеток: одну шлёпнет, другой задерёт юбку, и вот он во всей красе, в своих ярко-розовых вызывающих лосинах, стоит перед самым зрителем. Хозяин казино, бессовестный и эпатажный провокатор, он рассказывает о цели, ради которой мы здесь собрались. Безумная игра или страшный суд. Сегодня в Глобусе состоятся раунды между людьми крайних позиций, все они в чём-либо обвиняются: женщины в том, что они женщины, геи в том, что они геи, Еврей в том, что он еврей...

Здесь нет границы между зрителем и действием, происходящим на сцене. Яркие гирлянды над головами, живая музыка за спиной, актёры переодеваются на сцене и, порой, сходят с неё. Мы словно внутри действия, все решаем, кто победитель, а кто же умрёт, позволив выигравшему вырезать из себя фунт мяса. Музыка звучит громче, шоу начинается!

В изначальном тексте Настасьи Хрущёвой баттл между двумя актёрами

должен состояться последним, но с этого начинается спектакль. И, наверное, неспроста режиссёр выносит в самое начало спор о театре, игровом и психологическом. Мне этот поединок кажется неким тезисом ко всему спектаклю. Зритель должен решить для себя – смотрит ли он шоу, или становится участником настоящего суда и решает судьбы людей. На заднем плане сцены стоит клетка, в которой периодически запираются девушки-танцовщицы. Но вот в чём парадокс – в этой клетке они вне суда, вне этой резни, и являются персонажами, не подвергающимся обвинению. Марионетки они или же единственные невиновные? Не запертые в клетке, словно животные во всём этом зоопарке, а наоборот – самые свободные, сидящие в этой клетке в безопасности, а зритель, возможно, такой же обвиняемый.

Я ходила на спектакль дважды. Первый раз на предпремьерный показ. Действие меня абсолютно поглотило. Я размышляла над монологами, переживала за судьбу каждого обвиняемого и пыталась решить для себя: кто же, если и не виновен, то уступает сопернику, и заслужил отдать фунт своего мяса.

И вот в конце вершится Суд, суд над всеми нами – такими же виноватыми. И деревянные скамейки, на которых сидит зритель, становятся скамьёй подсудимых. Шоу это или же страшный суд?..

И шут Бальтазар превращается в некую Высшую силу – Волхва, - и устроил он это шоу лишь для того, чтобы свершить великий суд над всеми нами. За невидение истины, за мелочность и культ смирения. Истина, по его словам, должна гореть у нас во лбу, должна быть нашей болью. Но мы забыли об истинной вере, забыли о том, что мир существует в неравенстве, и нет верных крайних позиций. Мужчина не может существовать без женщины, и баланс в неравенстве между ними, в неравенстве всех нас. Зрелище страшное, напряжённое и действительно пугающее. Все эти ярлыки, навешанные обществом на обвиняемых, становятся глупыми и незначительными предрассудками, в сравнении с той виной всего человечества, за которую мы все и должны расплатиться.

Но что же происходит во время повторного просмотра спектакля: в самый напряжённый момент, когда вот-вот должен настать финальный монолог... отключается электричество! Всё гаснет, и мы остаёмся наедине с Бальтазаром, освещаемым лишь светом фонарика.

И вот вновь режиссёр совершенно отходит от текста. Почему же Великий суд не свершился и финал развернулся на 180 градусов? Возможно, А.Могучий сам испугался. И этот страшный и провокационный финал меняется на нечто совершенно противоположное. Перед нами стоит не Шут, не владелец казино, не Волхв и не Дьявол, а простой актёр, рассказывающий с в о ю историю, такой живой и настоящий – единственный свет в абсолютно тёмном зале. И перед нами не суд и не шоу. Финальная сцена становится полным противопоставлением этой БЕССМЫСЛЕННОЙ РЕЗНЕ.

Для меня этот спектакль по большей части о крайностях. О ярлыках, созданных обществом; об идеях, уходящих в крайности. Никто из них не виноват и не прав, никто не заслуживает права вырезать из другого фунт мяса. Во всём должна быть золотая середина: одно не может существовать без другого, и напряжение есть там, где есть мужчина и женщина, и где они не равны! Там, где есть неравенство – есть и напряжение, и притяжение. А этот суд – лишь бессмысленная резня одними людьми других.

И лишь после этого финала, выйдя из театра, начинаешь вспоминать какие-то мелочи, образы, ассоциации. Диско-шар под потолком... Шар – как тот самый глобус, но не казино, а наш мир, который в контексте спектакля представляет собой шоу, вечное «пати». Живая музыка звучит в моментах свершения приговора, вырезания фунта мяса, и это будто стоны доносятся с другого конца зала. Живая музыка словно противопоставляется действию, «мертвечине», «расчленёнке».

Певица и скрипачка находятся в императорской ложе на противоположной стороне зала, и что стоит между ней и действием на сцене? Зритель! Зритель, как простой наблюдатель, но в то же время и самый виноватый из присутствующих.